

3. *Eraly, A. Emperors of the Peacock Throne: The Saga of the Great Mughals / A. Eraly.* – New Delhi: Penguin Books India, 2000. – 555 p.
4. *Farooqui, S. A. A Comprehensive History of Medieval India: Twelfth to the Mid-eighteenth Century / S. A. Farooqui.* – New Delhi: Pearson Education India, 2011. – 415 p.
5. *Puskar-Pasewicz, M. Cultural Encyclopedia of Vegetarianism / M. Puskar-Pasewicz.* – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2010. – 290 p.
6. *Ray, S. Bairam Khan / S. Ray.* – Institute of Central and West Asian Studies, Faculty of Arts, University of Karachi, 1992. – 287 p. (с. 247).
7. *Sarin, A. V. Akbar and Birbal / A. V. Sarin.* – New Delhi, Puffin Books, 2005. – 143 p.
8. *Sharma, S. R. Mughal Empire in India: A Systematic Study Including Source Material / S. R. Sharma.* – New Delhi, Atlantic Publishers & Dist, 1999. – Vol. 3.
9. *Smith, V. A. Akbar the Great Mogul, 1542–1605 / V. A. Smith.* – Oxford: The Clarendon Press, 1917. – 379 p.
10. *The Akbarnama of Abu'l Fazl: transl. from the Persian by H. Beveridge.* – Calcutta: Arunima Printed Works, 2000. – Vol. 3.

(Дата подачи: 28.02.2023 г.)

Д. В. Пясецкий

Белорусский государственный университет, Минск

D. Piasetski

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(474/476ВКЛ)«13/14»(092)+94(438)«13/14»

**ТИТУЛ «НАИВЫСШИЙ КНЯЗЬ ЛИТВЫ»
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО И ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА
В 1386–1413 ГГ.**

**THE TITLE “THE HIGHEST PRINCE OF LITHUANIA”
IN THE RELATIONS OF THE GRAND DUCHY
OF LITHUANIA AND THE KINGDOM OF POLAND
IN 1386–1413 YEARS**

В статье рассматривается вопрос политического сюзеренитета польского короля Владислава Ягайло над Великим Княжеством Литовским в 1386–1413 гг. Это прослеживается через использование специального титула «наивысший князь Литвы», который в это время принадлежал Ягайло. Основное внимание принадлежит тому, что польский король Владислав II воспринимал территорию Великого Княжества Литовского как свою личную собственность в составе Ягеллонской унии. Отмечено, что Великое Княжество Литовское входило в состав Ягеллонской унии именно как собственность короля Владислава, а новый титул позволял легализовать власть польского короля в Великом Княжестве Литовском.

Ключевые слова: Ягеллоны; Великое Княжество Литовское; наивысший князь Литвы.

In the article we consider the issue of the political suzerainty of the Polish King Vladislav Jagiello over the Grand Duchy of Lithuania in 1386–1413. This can be traced through the use of

the special title “the highest Prince of Lithuania”, which belonged to Jagiello in this time. The main attention belongs to the fact that the Polish King Vladislav II perceived the territory of the Grand Duchy of Lithuania as his personal property as part of the Jagiellonian Union. We have noted that the Grand Duchy of Lithuania was part of the Jagiellonian Union precisely as the property of King Vladislav, and the new title made it possible to legalize the power of the Polish king in the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: Jagiellons; Grand Duchy of Lithuania; the Highest Prince of Lithuania.

В конце XIV в. Великое Княжество Литовское (далее – ВКЛ/Княжество) вступает в особый период своей истории, когда оно тесно связано с Польским королевством. Актуальность нашей работы состоит в необходимости рассмотрения титула короля Польши, прослеживании и установлении связи между государственно-политическими процессами, а также трансформации правящих династий в ВКЛ и Польском королевстве в 1386–1413 гг.

Вопросу унии между двумя государствами в этот период посвящено большое количество специальной литературы, созданной под влиянием идей национальных школ XX в. Данной проблемой в историографии XX–XXI вв. занимались О. Халецкий, С. Кутшеба, Л. Коланковский, Х. Ловмянский, Х. Пашкевич, Ю. Бардах, Г. Блащик в исследованиях по унии между ВКЛ и Польским королевством, а также истории двух государств в эпоху Ягеллонов; исследуя происхождение и деятельность Сейма ВКЛ, М. К. Любавский также анализировал межгосударственные отношения двух держав в XIV–XVI вв. Вопросами знати и политических элит в ВКЛ в XIV–XV в. занимались М. В. Довнар-Запольский, В. И. Пичета, Р. Петраускас в исследованиях по истории социально-экономического, политического и культурного развития ВКЛ затрагивали вопрос унии ВКЛ и Польского королевства. Вопросами исследования династической истории и легализации власти правителя в ВКЛ занимается А. В. Любый; титула правителя ВКЛ – О. И. Дернович. Исследуя власть великого князя литовского, Э. Гудавичюс затрагивает тему развития унийных отношений в конце XIV–XVI вв.

Основной комплекс источников был опубликован в археографических сборниках А. Левицкого (Codex epistolaris...), И. Даниловича (Skarbiec duplmatow...), С. Кутшебы и В. Семковича (Akta unji Polski z Litwą...), которые опубликованы в Польше. В Беларуси на сегодняшний момент опубликован сборник документов (Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст. ...), содержащий переводы некоторых документов; совместно с российскими историками были опубликованы «Полоцкие грамоты» в 2015 г. Наличие материалов актового и законодательного характера позволяет проанализировать использование, роль и компетенции титула наивысшего князя Литвы в к. XIV – нач. XV в. Таким образом, на основании сложившегося нарратива в историографии, комплексно анализируя актовые источники конца XIV–начала XV в., мы можем исследовать вопрос титула «наивысший князь Литвы» по отношению к деятельности короля Польши и установления связи между государственно-политическими процессами.

В этом исследовании мы попытались проследить закономерность использования титула «наивысший князь Литвы» в отношениях ВКЛ и Королевства Польского, обозначить конкретные моменты, через которые произошло соподчинение родственных правителей и монархов в одной династии. При этом следует придать важное значение месту его использования в формулах актов, законодательных и эпистолярных источников. Данный титул в документах не употребляется отдельно, но используется в месте сразу после королевского в отношении монархов из династии Ягеллонов.

Впервые в истории ВКЛ данная титулатура упоминается во времена правления Ольгерда для обозначения его главенства в правлении с Кейстутом [1, с. 65]. При этом он подчёркивал положение великого князя как самого главного (верховного) правителя в Великом Княжестве Литовском, которое позже перешло к Ягайло.

После смерти Ольгерда титул принимает т. н. «спящее» состояние, т. е. факт её использования был, однако, пока она не актуальна, то не используется. Ситуацию меняет факт унии между Великим Княжеством Литовским и Королевством Польским, который мы связываем с коронацией Ягайло в 1386 г. Однако нельзя обойти стороной Кревский акт 14 августа, где великий князь Ягайло обещает венгерской королеве Елизавете, что в случае, если она выдаст за него свою дочь Ядвигу и т. д. Самый интересный, по нашему мнению, пункт договора заключён в оригинале под латинским словом «applicare», который традиционно принято рассматривать как «присоединить» [Княжество к Короне]. Х. Ловмянский приводит несколько расшифровок значения этого слова, которое проявляется в двух смыслах: во-первых, вассализация Великого Княжества Литовского в пользу Короны Польской, во-вторых, смена физического владельца какого-либо объекта, в нашем случае ВКЛ [2, с. 58].

Анализируя ряд документов, где употреблялся этот термин в эту эпоху, Х. Ловмянский высказывает мнение, что, в данном случае более правдоподобна вторая интерпретация термина «applicare» [2, с. 58]. Развивая эту идею, можно заключить, что Княжество – объект собственности великого князя Ягайло, который пообещал передать его королю польскому, если королева Елизавета согласится на условия, изложенные в Кревском акте. В данном случае Ягайло поклялся передать Великое Княжество Литовское от себя как великого князя себе как королю польскому, если будет одобрен как кандидатура мужа для Ядвиги.

Создание унии путём выбора и коронации Ягайло как короля польского определило дальнейшее развитие отношений ВКЛ с Королевством Польским. Употребление титула «наивысший князь Литвы» мы видим уже 1 марта 1386 г. в листе Михаила Явнутовича, где он применяет его в отношении короля Владислава [3, с. 6]. С этого момента можно говорить об употреблении титула «наивысший князь Литвы» в отношении польского короля. В актах чаще всего встречается две формулировки этого титула:

«supremus dux Lithuaniae» и «princeps supremus Lithuaniae», которые стоит переводить одинаково. Разные варианты употребления титула возможно рассматривать как то, что политический институт сюзеренитета ещё не был так развит внутри династии Гедиминовичей и через титулатуру просматривается в таком виде.

Однако действительное и реальное влияние Владислава Ягайло на ВКЛ наблюдается ещё с 1386 г. Существует документ от 13 марта 1386 г., где Ягайло в соглашении с королевой Ядвигой и королевской Радой определили литовского князя Скиргайло правителем в Княжестве. По акту его подчинённое королю положение отмечается тем, что Скиргайло упоминается как «princeps dominus» (первый господин. – *Д. П.*), а это в свою очередь говорит ещё и о том, что документально он занимал положение первого среди равных литовских князей, что безусловно было в интересах короля Владислава [3, с. 9].

Что касается реального проявления власти сюзерена, то можно указать, что в «Полоцких грамотах» присутствует привилей 27 апреля 1387 г. от короля польского Владислава Ягайло в адрес своего брата Скиргайло на Трокское, Менское и Полоцкое княжения. Интересная особенность этой грамоты заключается в том, что титул присутствует на печати, что говорит о формальном сопровождении титула «наивысший князь Литвы» вместе с королевским титулом на всех государственных документах [4, с. 81]. Здесь наблюдается интересный момент, связанный с тем, что устанавливается традиция, при которой первый среди равных литовских князей владеет большим территориальным доменом, который на примере Скиргайло был установлен через Полоцкое, Минское и Трокское княжества.

Наблюдается общая тенденция, что после коронации Ягайло идёт череда присяжных листов в адрес Ягайло, Ядвиги и Короны Польской и что немаловажно – детям Ягайло и Ядвиги, которых еще нет на тот момент [3, с. 10–14; 16].

Политическая борьба в конце 80-х – начале 90-х гг. XIV в. привела к заключению Островского соглашения 1392 г. Присяга привела к переменам на политическом поле ВКЛ: Ягайло отдаёт ему в домен отцовские наследственные земли. И так получается, что Витовт теперь владел доменом в состав которого, входили: Брест, Луцк, Гродно и Троки, что является серьёзными территориальными владениями, однако о полной независимости Витовта речи по тексту не идёт [3, с. 26–27].

Однако, здесь интересна ситуация, связанная с тем, кому приносил присягу Витовт. Этот акт был присягой в адрес сначала Ядвиги как королевы Польши, короля Владислава, а также Короне Польской, но внутри Княжества все политические перемены выполнены от имени короля Владислава, что является очередным примером сюзеренитета со стороны Ягайло. В чём же причина того, что Витовт дал присягу прежде всего королеве Ядвиге? Можем выдвинуть следующую версию: было необходимо завязать присяж-

ные отношения с собственно Королевством Польским, через общепризнанную королеву, обладавшей большей легитимностью внутри Короны, чем Ягайло.

Однако, несмотря на это, необходимо учитывать, что расширение частного домена Витовта внутри ВКЛ осуществляет король Владислав, а не королева Ядвига, которая не обладала правами на реализацию внутренней политики в ВКЛ от своего имени. Так, Витовт стал первым среди равных литовских князей в ВКЛ. Статус Скиргайло и Витовта (до 1413 г.) имеет много общего: признают верховную власть Ягайло и подчиняются его решениям, не являются полноправными монархами ВКЛ (мы не знаем о факте их коронаций), власть наивысшего князя Литвы продолжает действовать в виде его компетенций, о которых будет сказано ниже. Однако есть и существенное различие, которое заключается в том, что Витовт проявил и оформил партикуляристские тенденции в политике ВКЛ от Короны. И здесь необходимо понимать положение Ягеллонской унии на данный момент развития, суть которой в том, что Княжество – владение не собственно Королевства Польского, а личное владение короля Владислава, который реализует удобную ему политику от своего имени.

Специфика Островского соглашения помимо выше обозначенных моментов заключается и в том, что возникла необходимость в поручительстве за Витовта со стороны его жены княгини Анны. Известно два её присяжных листа: один из которых в адрес королевы Ядвиги, как одному из контрагентов соглашения, а другой – короля Владислава. Так, мы видим подтверждение того, что Ядвига присоединена как одна из сторон договора и в обоих актах было утверждено, что «Королевству и королю короны Польской никогда изменить не должен» [3, s. 27–29; 5], что подтверждает гипотезу о том, что Ядвига – это дополнительный посредник в соглашении, которая своей личностью выводит обязательства Витовта в адрес Короны Польской. Более того, в обоих актах княгини Анны есть формулировка, что обязательства по верности и защите действуют с тех пор как «Витовт ... как только пост свой займёт». Вероятно, формулировка «пост займёт» несёт смысл занятие должности «главного литовского князя» в виде ставленника короля Ягайло в ВКЛ.

Какими же были полномочия наивысшего князя Литвы Ягайло в период конца XIV в.? Ответ на этот вопрос нам дадут документы данного периода. Так, он имел полномочия назначать наместника в Великом Княжестве Литовском, регулировать отношения между князьями Великого Княжества Литовского, передавать отдельные княжества и территории в составе ВКЛ, управлять территорией Княжества и передавать это право [3, s. 27, 34–36; 7]. При этом следует иметь в виду, что Ягайло исполнил обязательства по Кревскому акту 1385 г. по крещении Великого Княжества Литовского в католицизм, что он делает как наивысший князь Литвы при назначенном наместнике в 1387 г. [7, с. 13].

Существует несколько документов об урегулировании внутривосточных отношений между князьями Витовтом и Скиргайлой. Так, в г. Белз 6 декабря 1392 г. было заключено два акта, которые фиксируют политическое положение внутри ВКЛ. Это акт о примирении Скиргайло и Витовта, где Ягайло фигурирует как «наивысший князь Литвы» [6; 8, s. 17] и документ от имени Ягайло такой же сути, но его титулатура предполагает титул «великий князь Литвы», что является скорее исключением из правила, так как этот титул вакантен и право его использования принадлежит Владиславу как верховному сюзеру.

Историк М. К. Любавский указывает на то, что в 1398 г. Витовт, не заручаясь поддержкой Ягайло, пытался установить мирные переговоры с Тевтонским орденом при уступке части Жмуди. Однако текст прелиминарного договора содержит тот факт, что Витовт может запросить у Ягайло разрешение в виде «маестатной печати» на эту уступку, если сочтёт нужным [9, с. 25; 10, s. 314].

Это имело определённые последствия: в 1403 г. Витовта заставили дать присягу, по которой он без ведома Ягайло не будет заключать договоров и соглашений ни с Ливонским ни с Тевтонским орденами [9, с. 32; 3, s. 47–48]. О. Халецкий развивает эту мысль в случае, когда Витовт в 1404 г. заключил очередное соглашение с крестоносцами, и за это король Владислав отобрал из его личного домена Кременецкое княжество [11, s. 178–179], после чего была заключена очередная присяга Витовта в адрес короля и Короны [3, s. 48–49].

Дальнейшее развитие политико-правовых отношений между ВКЛ и Королевством Польским было вызвано смертью королевы Ядвиги в 1399 г. Дело в том, что она была одним из контрагентов в ряде рассматриваемых нами актов: присяжные листы на её имя и на имя короля Владислава, и что важнее – на имя их детей, которых в силу естественных обстоятельств быть уже не могло. Исходя из этого возникла необходимость вновь присягнуть королю Владиславу и Короне Польской [3, s. 33]. Л. Коланковский единственный из представителей польских историков первой половины XX в., который высказал мнение, что Виленско-Радомские акты не обновили политико-правовое положение между двумя государствами. Исследователь высказывает свою точку зрения, которая гласит, что договоры 1401 г. фактически оставили положение, существовавшее до этого [12, s. 30]. Х. Ловмянский, развивая эту мысль и делает интересное заключение, ссылаясь на присяжный лист литовских князей и бояр от 18 января 1401 г., где заметил, что положение Великого Княжества Литовского в унии показывает следующая формулировка: «*supremum principatum terrarum earundem Litwanaie caeterorumque dominiorum suorum*» (Владислав, король и т. д., взявши его (Витовта) на наивысшее княжество Литовское своё. – Д. П.) [12, s. 69; 3, s. 39–40]. Однако Х. Ловмянский делает из этого вывод, что Ягайло передал ему титул наивысшего князя Литвы, через передачу права на управле-

ния в ВКЛ [2, s. 70]. Мы же с этим мнением согласиться не можем, так как в будущем данная титулатура всё равно остаётся за королём Владиславом, и дальнейшие акты эту версию не подтверждают. Таким образом, этот документ как бы уточняет правовое положение ВКЛ, которое в тогдашнем понимании являлось «наивысшим княжеством Литовским» и было неотъемлемой частью Ягеллонской унии как личная собственность короля Владислава, но не Королевства Польского.

Более того, виленский акт Витовта от 18 января 1401 г. содержит в себе формулировку, на основании которой С. Кутшеба и В. Семкович сделали предположение о существовании документа, который передавал от имени короля Владислава прав на управление ВКЛ в отношении Витовта, который не сохранился [3, s. 33]. Мы можем высказать гипотезу, что этим документом могло быть и Островское соглашение 1392 г., которое предполагало так называемый «пост». И ещё один важный момент заключается в том, что в этом документе Витовт называет короля Владислава «rex Poloniae ... supremumque principatum terrarum suarum Luttuaniae» (король Польши ... наивысший князь земель его литовских. — *Д. II.*) [3, s. 35], что говорит о том, что территория ВКЛ находится в личной собственности монарха. И в это подтверждении нужно учесть, что переписяга отдельных князей [3, s. 41–44] и Господарской рады [3, s. 36–41] предполагала, что после смерти Витовта ВКЛ вернётся в собственное владение короля Владислава, а князья и Рада будут признавать только его как господина.

В Радомском акте от коронной Рады от 11 марта 1401 г. король Владислав упоминается в том числе и как «supremum principem Lithuaniae» [3, s. 45–46].

Политико-правовые отношения между двумя государствами существенно меняются после Грюнвальдской битвы и окончания Великой войны 1409–1411 гг. Заключенные акты в Городло-над-Бугом в 1413 г., по мнению, Л. Коланковского изменили систему подчинения ВКЛ, а уния вступила в стадию не логического развития, а наоборот деградации [12, s. 46–48]. Это объясняется несколькими фактами и снова титулатурой: за Витовтом впервые в межгосударственных отношениях с Королевством Польским был употреблён титул «великий князь литовский», что ситуацию меняет достаточно кардинально: если раньше он был наместником наивысшего князя Литвы, первым среди равных, то теперь за ним был признан фактический монарший титул, система подчинения претерпела явную деградацию на примере того, что был добавлен пункт о выборности короля в случае его бездетной смерти и наоборот [3, s. 60–72]. По нашему мнению, данное изменение вызвано не только политическими предпосылками, но и династическими: у короля на тот момент не было сына и престол передать было некому. Поэтому молодая династия в Королевстве Польском еще была в неокрепшем положении и её права на престол не были окончательно оформлены. Таким образом, ситуация складывается не в пользу коро-

ля Владислава и сделала уверенный шаг для ВКЛ в пользу самостоятельности.

Помимо этого, в текстах Ягайло упоминается как «наивысший князь Литвы», что также отобразено на его печати [3, с. 60].

Таким образом, наиболее вероятно, что польский король Владислав-Ягайло воспринимал ВКЛ в 1386–1413 гг. как свой личный домен, который не был присоединён к собственно Короне Польской, но отождествлялся с монархом и посредством титула «наивысший князь Литвы» власть короля осуществлялась в Княжестве. Титул смог легализовать власть польского короля Владислава в ВКЛ и после коронации Ягайло в 1386 г. стал составным элементом польского королевского титула.

Стоит сказать, что данный элемент титула польского короля будет сохраняться на протяжении XV и XVI вв. и будет претерпевать эволюцию своих компетенций вместе с изменением статуса унии между ВКЛ и Польским королевством, где польский король Владислав Ягайло является верховным сюзереном.

Список использованных источников

1. Дзярновіч, А. «Дзень народзінаў» Вялікага Княства Літоўскага: тытулатура вялікага князя літоўскага і праблема суверэнізацыі ВКЛ у сярэдзіне XIII – пачатку XV ст. / А. Дзярновіч // Актуальныя праблемы гісторыі і культуры: Вялікае Княства Літоўскае: заканадаўчае забяспячэнне дзяржаўнага суверэнітэту / Інстытут Гісторыі НАН Беларусі; сост. В. Ф. Голубеў [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2022. – С. 57–82.

2. *Łowmiański, H. Polityka Jagiellonów* / H. Łowmiański, K. Pietkiewicz. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 1999. – XII, 673 s.

3. Akta unji Polski z Litwą 1385–1791 / Polska Akademia Umiejętności, Towarzystwo Naukowe Warszawskie; uкл.: S. Kutrzeba, W. Semkowicz. – Kraków: Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1932. – 570 s.

4. Полоцкіе граматы XIII – пачала XVI в.: в 2 т. / редкол.: А. Хорошкевич (отв. ред.) [и др.]. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. – Т. I. – 864 с.

5. Гагуа, Р. Б. Островские акты княгини Анны / Р. Б. Гагуа, О. Ф. Жилевич // Актуальные проблемы источниковедения: материалы IV междунар. научнопракт. конф. к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 145–148.

6. Помнікі права Беларусі XIV–XVI ст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній / Г. Я. Галенчанка, А. А. Жлутка, А. А. Мяцельскі [і інш.]. – Мінск: БелНДІДАС, 2015. – 388 с.

7. Гагуа, Р. Б. Акты мірнага дагавора ў Белзе ад 6 снежня 1392 г. як гістарычная крыніца / Р. Б. Гагуа // Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: здабыткі і страты: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск, 28 чэрвеня 2018 г.) / рэдкал.: В. І. Кураш (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2019. – С. 59–68.

8. *Codex epistolaris saeculi decimi quinti: w 3 t.* / Polska Akademia Umiejętności; uкл. A. Lewicki. – Kraków: Drukarnia “Czasu”, 1891. – Т. 2: 1382–1445. – LXXVII. – 531 s.

9. *Любавский, М. К.* Литовско-Русский сейм / М. К. Любавский. – М.: Университетская типография, 1901. – 1100 с.

10. Skarbiec dyplomatów papieskich, cesarskich, królewskich, książęcych, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów, posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi litewskiej i ościennych im krajów: w 2 t. // ukl. Ignacy Daniłowicz. – Wilno: Druk. A. H. Kirkora i sp, 1860. – T. 1. – 391 s.

11. *Halecki, O.* Dzieje Unii Jagiellońskiej / O. Halecki. – Kraków: Akademia Umiejętności, 1919. – T. 1.: W wiekach średnich. – 482 s.

12. *Kolankowski, L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów / L. Kolankowski. – T.1: 1377–1499. – Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1930. – 474 c.

(Дата подачі: 24.02.2023 г.)

A. P. Раюк

Незалежны навуковец, Мінск

A. R. Rayuk

Independent scientist, Minsk

УДК 94(476) «1863/1915»

УРБАН КРУПСКИ (1863–1915): АД БЕЛАРУСКАГА НАРОДНІКА ДА КРАЁЎЦА-КАНСЕРВАТАРА

URBAN KRUPSKY (1863–1915): FROM A BELARUSIAN NARODNIK TO A CONSERVATIVE KRAJOVETS

У артыкуле выяўляецца, як праз Урбана Крупскага многія ідэі народнікаў-«гоманаўцаў» значна паўплывалі на погляды і праграмы краёўцаў-кансерватараў Беларусі ў пачатку XX ст.

Ключавыя словы: народніцкая група «Гоман»; Мінскае таварыства сельскай гаспадаркі; беларускі палітычны кансерватызм; краёўцы; Урбан Баніфацевіч Крупскі; Эдвард Адамавіч Вайніловіч.

The article reveals how via Urban Krupsky many ideas of the "Homon"'s narodniks significantly influenced the views and programs of the Krajowcy conservatives of Belarus in the early XXth century.

Key words: "Homon"'s narodniks; Minsk agricultural society; Belarussian political conservatism; the Krajowcy; Urban Krupsky; Edward Voinilovich.

У сваёй кнізе «Гісторыя Беларусі» (1925) Мітрафан Доўнар-Запольскі ў раздзеле «Зародкі нацыянальнага адраджэння» адзначаў: «У Пецярбургу гуртком студэнтаў выдаецца нелегальная газета “Гомон”. Гэта быў першы прадвеснік» [1, с. 449]. Беларускі гісторык Алена Сакольчык ідэі народнікаў-«гоманаўцаў» абагульніла наступным чынам: а) прызнанне беларускага этнасу як «асобнай галіны славянскага племені» з адпаведным выплучэннем двухбаковага пратэсту і супраць русіфікацыі, і супраць паланізацыі; б) абавязковы ўздым «маральнага, разумовага і эканамічнага ўзроўню народа», даць народу магчымасць праявіць свой «нацыянальны геній <...> свабодна развіваць сваю культуру і распараджацца ў сваім унутраным жыцці»;